

К. Р. АМБАРЦУМЯН

**«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ
АРМЕНИЯ НА КАВКАЗЕ (1917–1918 гг.)» А. И. ХАТИСОВА**

Публикация фрагмента воспоминаний Александра Ивановича Хатисова (1874–1945), члена правительства независимой Республики Армения, с 1920 г. жившего в эмиграции во Франции. Рукопись была им подготовлена в 1924 г. для «Архива русской революции», издаваемого И.В. Гессеном в Берлине, но в него не вошла.

Ключевые слова: Великая война и Русская революция, Кавказ в 1917 г., история Армении, А.И. Хатисов, исторические события и личный опыт, мемуары

Александр Иванович Хатисов¹ (1874–1945), известный как городской голова Тифлиса и член правительства независимой Республики Армения, будучи с 1920 г. в эмиграции во Франции, опубликовал воспоминания о своей деятельности до и после 1917 г., в основном на армянском языке. Сочинение, озаглавленное им как «Русская революция и образование Республики Армении на Кавказе (1917–1918 гг.)»², написанное на русском языке, также имеет автобиографический характер. Судя по материалам архивного дела, рукопись была подготовлена автором в 1924 г. для «Архива русской революции»³, издаваемого кадетом И.В. Гессеном в Берлине, но так в него и не вошла⁴.

Название, предложенное А.И. Хатисовым, обозначает хронологические рамки более узкие, нежели само содержание, в котором повествование доводится до 2 декабря 1920 г.⁵ Выбранный фрагмент воспоминаний охватывает начало XX века вплоть до октября 1917 г., т.е. до того момента пока Кавказ оставался неотделимой от России частью, и автор рукописи был прочно связан с российским государством.

Отрывок приводится с редакторскими сокращениями, произведенными с целью акцентировать внимание именно на проявлениях множественной идентичности А.И. Хатисова, прошедшего путь от государственного и общественного деятеля до эмигранта. Стремительная смена

---

¹ Возможен вариант: Александр Ованнесович Хатисянц.

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5881. Оп. 1. Д. 524.

³ Архив русской революции. Репринт. Т. 1–22. М: Терра, 1991–1993.

⁴ В имеющемся в деле письме А.И. Хатисова, адресованном в редакцию «Русского архива» через 7 лет после отправки рукописи, написано, что его труд до сих пор не опубликован, и что он так и не получил обещанный гонорар.

⁵ Примечательно, что для Хатисова утрату независимости Республики Армения маркирует не Александропольской договор, подписанный дашнакским правительством и отрезавший от Армении в пользу Турции значительную часть территории, а провозглашение Армянской ССР, которое произошло практически одновременно с подписанием договора: «2-го дек<абря> независимое существование Армении прекратилось и она попала под власть оккупировавшей её Москвы».

контекстов влияла на эволюцию его политических взглядов. В тексте также заметны многочисленные трансформации образов «своих-других-чужих», что особенно важно для понимания сущности событий 1917 г. и последующих лет в полиэтничном и приграничном кавказском регионе.

Публикуемый отрывок представляет собой содержательный источник для изучения как проблемы идентификации, так и процесса конструирования памяти о прошлом России, Кавказа, Армении. Интересно также предисловие автора с рефлексией о мотивах написания мемуаров и признанием их закономерной субъективности. В мемуарах кавказских эмигрантов множественная идентичность предавателя Кавказа усложняется еще и фактором эмиграции, оказывая влияние на формирование исторической памяти, имеющей иерархичную структуру. События начала XX в. вспоминает этнический армянин, родившийся и сделавший карьеру в Тифлисе, затем игравший главные роли в независимой Армении, и наконец – эмигрант, и через этот личный опыт оценивается историческое прошлое и перспективы будущего.

Все это выражено в тексте, особенно в третьей главе, которая делится на три пространственно-временные протяженности: первая – Россия в 1917 г., вторая – Кавказ в 1917 г., третья – Армения в 1917 г.

***

Несколько слов⁶

Передавая в печать настоящие записки, я считаю необходимым предпослать им несколько предварительных замечаний, – во-первых, для того, чтобы читатель понял почему я решил это сделать, а во-вторых, чтобы вперед указать на причины тех необходимых дефектов, которые читатель сам усмотрит в этих набросках. Без этих предварительных замечаний читатель имел бы право сделать мне очевидно много упреков в неполноте изложения или неиспользованности исторического материала по новейшей истории Республики Армении. На первый вопрос, – почему я счел не лишним внести свою лепту в вопрос о возникновении и развитии республики Армении, – я должен ответить, что я делаю это главным образом в силу того обстоятельства, что я лично многое видел, лично во многом участвовал и во всех главных политических актах по возникновению и развитию Армении был очевидцем и участником. И полученные мною впечатления и пережитые факты, думаю, могут быть интересны для читателя. Быть может не лишним будет установить те позиции, с которых я смотрю на события, чтобы читатель мог уяснить себе мое отношение к происходившему. Общественно-политическую жизнь на Кавказе я начал в 1900 году в Тифлисе, – работой в Тифлисском муниципалитете, – где по условиям старого русского режима, проявлялась общественно-политическая мысль кавказской интеллигенции, всех национальностей. С 1902 по 1906 г. я был муниципальным гласным, с 1906 по 1910 – помощником городского головы Тифлиса, с 1910 по 1917 – городским головой Тифлиса. С 1914–1917 – председатель Союза 44 городов

⁶ Орфография и пунктуация А.И. Хатисова в основном сохранены.

Кавказа, с 1915–1917 – пред<седатель> национал<ьного> Бюро армян. В 1917–1918 гг. был городским головой Александрополя. В 1918 – министром финансов в Правительстве Закавказской Республики, с лета 1918 – <...> министр ин<остранных> дел, внутренних дел <...>, с марта 1919 г. по сент. 1919 – заместитель председателя правит<ельства> Армении, с сент. 1919 по май 1920 – пред<седатель> правит<ельства> и мин<истр> ин<остранных> дел Армении. А за период 1918–1920 был членом, председателем мирных делегаций то Закавказской Респ<ублики>, то Респ<ублики> Армении, ведших мирные переговоры с Турцией в Трапезунде (февраль – март 1918 г.), в Батуме (май–июнь 1918 г.), в Константинополе (осень 1918 г.), в Александрополе (ноябрь–дек. 1920). Дважды подписывал мирные договоры с Турцией от имени Респ<ублики> Армении. В 1921–25 гг. я был членом Делегации Респ<ублики> Армении в Париже. Читатель великодушно простит мне эту справку, которую я привел для того, чтобы читатель знал, с каких позиций я наблюдаю события, и понял бы, почему именно я останавливаюсь подробно на тех, а не иных событиях. В деятельности муниципальной я по роли и характеру службы неоднократно сталкивался с русскими и кавказскими политическими деятелями всех партий, – от самых правых до самых левых, – и с административными лицами, – начиная с губернаторов и до кавказских наместников – гр<афа> Воронцова-Дашкова и Велик<ого> князя Николая Николаевича, – двух наместников Кавказа в период 1905–1917 гг., а в 1914 году в первые месяцы великой войны, – в качестве Тифлисского городского головы принимал царя Николая II и знакомил его с нравами Кавказа. Если добавить, что в качестве городского головы г. Тифлиса и представителя союза городов я участвовал в 1916 году в общекавказском съезде по выработке земского положения для Кавказа, а в 1915, 1916 и 1917 гг. во всероссийских съездах в Москве городов <...>, а в качестве представителя Арм<янского> Национ<ального> Бюро, был посредником между арм<янскими> добров<ольческими> дружинами и Наместником Кавказа и Штабом Кавказской Армии, – то будут понятны те позиции, с которых я наблюдал людей и факты, связанные с темой моих записок. Вот мотивы, по которым я после долгих колебаний решил, что будет бесполезно поделиться с читателями моими впечатлениями. Но одновременно необходимо сделать оговорки, – чтобы ответить и на второй вопрос о неполноте материала. Когда на бумагу заносятся личные впечатления – пользуются памятью – то она заносит на бумагу лишь то, чему автор был личным свидетелем – отсюда незначительная односторонность и неполнота материала, – неизбежная по личному характеру записок – но отсюда и их живость, как свидетельство очевидца. Документы же мои – дневники, подлинники, фотографии, в силу событий остались в Эривани, Тифлисе, а под руками у меня лишь немного привезенных неизданных источников. Отсюда неполнота и подчас неизбежные ошибки в датах и цифрах. Это те оговорки, которые впредь снимают с меня упреки в неполноте и может быть в неясности некоторых деталей. Но есть ещё и дополнительное замечание, когда пишуешь впечатление или воспоминания про давно прошедшие события, отошедшие в историю, автор говорит с полит<ической> свободой о людях, уже принадлежащих истории и подлежащих поэтому свободной оценке.

Вот те предварительные замечания, кои я позволил себе предпослать изложению того, что может быть названо «возникновением и развитием Республики Армении», фактически на Кавказе.

Теперь два слова о самой теме. Почему я ее выбрал? <...> Помимо тех причин, о которых я говорил выше, у меня было и следующее соображение: нельзя отрицать, – и это было бы грубой исторической ошибкой, – что до самых последних лет армянская политическая мысль трактовала армянский вопрос в связи с армянскими вилаетами в пределах бывшей Османской империи. Так понимался армянский вопрос в Европе на протяжении десятков лет. Во время и особенно после великой войны и Революции в России, – а в дни когда пишутся эти строки, с особенной силой, – центр тяжести политической стороны армянского вопроса фактически перенесся в границы русской, т.е. Кавказской Армении. <...>. Но нужно ли мне при этом подтверждать – что для меня, как для моих наилучших друзей, с 1917 года был и есть один вопрос – объединенной и независимой Армении, – день 28 мая 1918 г., когда мы провозгласили независимость Армении и день 28 мая 1919 года, когда мы провозгласили объединенную и независимую Армению, для меня были и останутся теми незыблемыми политическими краеугольными камнями – они не могут быть поколеблены происходящими как ураган событиями. Эти две даты будут путеводными звездами моих записок.

Париж, 27 янв<аря> 1925 г.

Ал. Хатисов

Глава I. Армяне на Кавказе до 1914 года

12 января 1900 года молодым врачом я приехал в Тифлис⁷, мой родной город, где родились мой дед, отец, мать. Мой дед – Гамбарян⁸ был тифлисским прокурором, отец – управляющим государственными имуществами, мать – армянская писательница⁹, дядя – профессор Университета в Москве, а другой дядя – управляющий государственным банком в Варшаве, мой брат инженер в Баку¹⁰. Казалось, что семья с такими связями должна была быть далека от нужд и забот Армении. Но на деле было все иначе. <...> мы родились в столице Грузии, в Тифлисе, учились в русских школах. Пример моей семьи очень показателен в том отношении, что он – один из тысячи примеров, показывающих, что в силу исторически сложившихся условий, Тифлис, столица Грузии, и Баку – столица Азербайджана, – собрали в себя сильную армянскую интеллигенцию, буржуазию, армянскую прессу, театр и также развитый и активный пролетариат. Исторически же Армения, – Эриванская губерния, часть Елизаветпольской, с Карабахом и Зангезуром, и Карская область, – лишалась материально сильных и психически и интеллектуально мощных сил. Молодежь, – родом из этих районов, – получала высшее образование в России и возвращалась в Баку, Тифлис, а не в Эри-

⁷ Квалификацию врача получил в Московском и Харьковском университетах.

⁸ Степан Павлович Гамбаров.

⁹ Мария Степановна Хатисова была известна в литературных кругах под именем «госпожи Марии», автор романов «Елена», «На новом пути», «Несчастливая женщина» и др.

¹⁰ Константин Хатисов – известный в Баку инженер и предприниматель.

вань или Карс. Вот почему все культурные начинания армян сосредотачивались в Тифлисе и отчасти в Баку. Сильные материально в крупных центрах Баку, Тифлисе и Батуме, основатели всех крупных <...> промыслов на Кавказе – шелкомотальной, хлопковой, рыбной, нефтяной, лесной, винной, плодовой, – владельцы банков и театров, – армянская буржуазия считала своим родным городом не Эривань и Александрополь¹¹, а Тифлис и Баку.

<...> Политически армяне были связаны с Россией казалось неразрывными связями и все свои политические мысли, и вождедения связывали с реформами в самой России. Знакомые с политическими кругами главных кавказских народов знают, что самая могучая армянская партия «дашнакцутюн» требовала федерации на Кавказе <...> главными «темами» этого периода армянской жизни были отобрание имущества армянской церкви во времена наместника на Кавказе кн. Голицына¹² в 1902–03 гг., террор против чиновничества, и возвращение этих имуществ; организация темными силами русской администрации армяно-татарской резни и спасительная роль армянской самообороны, кризис позиции «Дашнакцутюн»¹³ в Сенате и полная почти отчужденность русских и турецких армян. <...> Важными вопросами являлись реформы в Турции для турецких армян. Ими интересовались, но никакой связи между народами в Турции и вопросами, волновавшими русских армян, не было. Национальные реки текли, не сливаясь. <...>

В то же время рождалась мысль о том, что «нет Пиренеев»¹⁴, – т.е. что русские и турецкие армяне должны слиться в один национально-политический организм. Вот зарождение трех направлений – коммунистического, меньшевистского (которое впоследствии прошло невиданную эволюцию, превратившись в 1917 году в защитницу взглядов независимости Грузии, против чего они боролись ряд годов <...>) и национально-трудового без насильственной социализации. По должности городского головы г. Тифлиса я в течение 10 лет, – от 1907 г. по 1917 г. – был в непрерывных ежедневных сношениях с деятелями этих течений. Роль городского головы была совершенно исключительная: это был единственный человек, который имел постоянный легальный доступ к властям – Наместнику Кавказа, Министрам России, – и в то же время находившийся в курсе революционных настроений и даже действий кавказских революционных партий. До меня был городским головой грузин кн. Черкезов¹⁵, я был три года его помощником, и могу сказать, что эту исключительную роль посредника между

¹¹ Ныне Гюмри – второй по величине город Армении.

¹² Григорий Сергеевич Голицын – главноначальствующий на Кавказе и Командующий войсками Кавказского военного округа, один из инициаторов принятия закона 12 июня 1903 г. о конфискации имущества Армянской апостольской церкви.

¹³ Дашнакцутюн – старейшая армянская политическая партия, создана в Тифлисе в 1890 г. Организация была вызвана подъемом национально-освободительного движения в Западной Армении, поэтому главной целью было заявлено достижение политической и экономической свободы Турецкой Армении.

¹⁴ Высказывание «Что за радость! Пиренеев больше нет, мы теперь – одно!» приписывается французскому королю Людовику XIV в связи с подписанием испанским королем Карлом II завещания в пользу его внука Филиппа герцога Анжуйского.

¹⁵ Речь идет о князе Василии Николаевиче Черкезове.

властью и партиями он начал. Я ее продолжал непрерывно десять лет – до второй русской революции и отпадения Кавказа от России. <...> именно в этот период (1907–1918 гг.) партия «Дашнакцутюн» и партия «грузинских социал-демократов меньшевиков» безраздельно владели умами своих народов. Власть это знала. Знала и молчала, знало и население. <...>

Общерусская государственная власть старалась задавить развитие кавказских народов. Она искусственно его задерживала всеми мерами. Официальными пожеланиями кавказской интеллигенции были три пожелания: земские учреждения, высшие учебные заведения, суд присяжных. <...> Я лично десятки раз в качестве городского головы мотивировал эти пожелания перед Министром в 1914 году в речи перед Николаем II, русским царем, когда он приехал в Тифлис. Русские министры и русская государственная Дума отвергали эти скромные и элементарные требования. <...> Когда я ездил в Петербург и представлял министрам эти требования, – я получал словоблудливые ответы. По вопросу высшего учебного заведения Министр Кассо созвал совет товарищей министров. Я участвовал в заседании. Докладывал мнение Министра Внутренних дел по вопросу о высшем учебном заведении на Кавказе Директор департамента полиции Зуев. Он сказал: «Министр Внутренних Дел против открытия высшего учебного заведения на Кавказе, так как кавказская молодежь сплошь революционеры. Процент студентов кавказцев, замешанных в разных беспорядках в разных городах России – очень большой. Если же открыть университет в Тифлисе – все революционеры там соберутся, – это будет вечный вулкан». <...>

По вопросу о земских заведениях я докладывал лично председателю Сов<ета> Министров Столыпину. Он мне сказал: «Я против и буду против потому что из земских учреждений вы создадите себе национальную автономию. Довольно нам революционных земских деятелей в центре России». Я ушел от него и обратился за содействием к Председателю Государств. Думы г. Алекс<андру> Гучкову. Он мне сказал: «Мы не можем поддержать того, что вы хотите. Нам надо усилить на Кавказе русский элемент. Мы должны внести в проект земства пункт, по которому ½ всего служащего персонала будут русские, – вы этого не примете, а без этого мы не можем, а потому лучше вовсе не давать вам ничего, никакого земства». И не дали. По вопросу о суде присяжных Мин<истр> юстиции Щегловитов, потом казненный большевиками, – мне указал: «вам нельзя давать народных судей, ибо армянин-присяжный будет оправдывать армян, татарин – татарина, – вам нужен русский Коронный суд». И нам отказали. <...> Местная же высшая власть в лице Наместника Кавказского гр. Воронцова-Дашкова¹⁶ понимала, что народу надо дать удовлетворение. Он был в высокой степени умный, тонкий и хитрый государственный деятель. Я с ним встречался сотни раз, говорил долгими часами, должен в своих записках отвести его характеристике должное место, так как он сильно влиял на психологию армянского населения на Кавказе. Когда граф добивался удовлетворения этих желаний населения, – он влиял только лично на государя, так как Столыпин был его противником, – и политическим, и личным, так как знал его влияние при

¹⁶ Илларион Иванович Воронцов-Дашков, Наместник Кавказа в 1905–1916 гг.

дворе. Гр. Воронцов говорил мне несколько раз: «Я вижу в себе одну заслугу перед Кавказским народом, я им не дал ничего положительного, но я их защитил от многого отрицательного, я старался быть барьером между реакцией, идущей из России на Кавказ, и Кавказскими народами». <...>

Таким образом, буржуазия армянская крепла материально особенно в Грузии (Тифлис, Батум), в Баку, в Елизаветполе¹⁷ – раздражая этим грузинских националистов, земельных феодалов; интеллигенция водворялась в Тифлисе и Баку, делая конкуренцию врачам, инженерам иных национальностей; население армянское в Эриванской губернии оставалось в невежестве и без политического воспитания. Дефекты политического воспитания народа заполняли революционные партии, у армян «Дашнакцутюн», у грузин – меньшевики. Когда же буржуазии угрожали физические – они бросались за помощью, предлагая деньги на оружие. Когда становилось спокойно, они заявляли, что партию надо ослабить, так как боялись её влияния на рабочих. Мне неоднократно приходилось объяснять буржуазии нелогичность такого непостоянства. <...>

Число армян в Тифлисе доходило до 180000, – они были первыми по числу в Тифлисе, – и во всей Грузии их было до 450000, что составляло 25% всего населения в Грузии, в Баку их было до 60000, т.е. почти треть населения. Всего на Кавказе было армян до 1800000, экономические же связи из Баку тянулись через Ростов до Москвы, Нижнего Новгорода и Петербурга. Чиновников-армян было немного. Из последних крупных чиновников были генералы, служившие вне Кавказа – в Польше, Сибири, гражданские чиновники – в Петербурге, и один-два, из крупных в Тифлисе, из коих один был мой отец, который в последние годы жизни жаловался мне, что он морально себя плохо чувствовал, видя отношение русской власти к себе и к армянам. Но русский не имел ни злобы, ни ненависти к армянам, он был в общем индифферентен, скорее доброжелателен. Но грузины, имевшие великих дворян, светских княгинь, несомненно умели больше привлекать симпатии властей, нежели хмурые и замкнутые армяне. Прочие элементы умело кормили и покупали продажных чиновников. Так протекала жизнь на Кавказе.

Армяне политически жили идеями освобождения турецких армян. Там были их идеалы и, сталкиваясь с различными элементами армянского народа, я могу сказать, что активно жертвуя жизнью и здоровьем, карьерой и условиями жизни, лишь члены партии «Дашнакцутюн» эти идеи претворяли в жизнь. Эта идея вела за собой массы. <...> В таком положении 1914-ый год застал армян на Кавказе <...>.

Глава II. Первый период великой войны (авг. 1914 – март 1917 г.)

В июне 1914 я с женой выехал за границу, в Германию, пользуясь двухмесячным отпуском, как Тифлиский городской голова. <...> Еще не пришло время для передачи в печать всех впечатлений, связанных со свежим еще периодом войны, факты не потеряли своей остроты, участники событий живы, враги и друзья – еще в работе. Потому читатель поймет необходимую сдержанность в сообщении и освещении некоторых фактов и явлений. Война всколыхнула глубоко общественное настроение. Чисто рус-

---

¹⁷ Ныне Гянджа – второй по величине город Азербайджана.

ское течение увлекло многих армян совершенно искренне вовнутрь войны. Развивалось естественно то чувство, которое было свойственно армянам: если победят Россия, Англия и Франция, лучше будет жить русским гражданам, и потому и армянам, как гражданам России. Не было того «политического» настроения, какое наблюдалось в 1904–05 гг., когда во время русско-японской войны, многие русские жаждали поражения русских войск, считая это поражение поражением официальной, царской, бюрократической России, – за таким поражением должны были последовать реформы. <...> это важно и для понимания многого, происходящего сегодня в России, что уже три раза все крупные перемены – реформы, революции – следовали за военными неудачами. <...> Ждали реформ армяне и в области национальной жизни. Была и другая причина: мы говорили уже о том, что к началу войны в России было очень тоскливо. Атмосфера была тяжелая. Люди тосковали, скучали. Была эпоха реакции, разочарования. <...>

Прошла мобилизация, загорелись первые сражения на границах, пали бельгийские крепости, – и почувствовалось, что на Кавказе среди армян, – появились еще новые ожидания. Они были связаны с возможностью возникновения войны с Турцией, а отсюда рождались пламенные надежды на разрешение векового армянского вопроса в армянских вилайетах¹⁸. По случаю войны реформа 1913 года¹⁹ была отменена, предполагавшиеся комиссары уехали. Со стороны союзников раздалась очаровавшие всех благородные лозунги о «самоопределении малых народов». Армяне зажигались новым одушевлением: им мерещилась война с Турцией – жизненно необходимая для союзников, – а с ней связывалось освобождение турецких армян. Эти мысли пронеслись как электрический ток, по мозгам армянского народа. Я видел на своих глазах, – как мысль эта охватила все слои, все партии, все течения и оттенки мысли. Эту мысль никто не пропагандировал, и, если бывают самоорганизованные народные движения, – осенью 1914-го мы присутствовали при рождении одного из таких стихийных чисто народных движений. <...>

Когда мы почувствовали силу этого движения, когда надо было влить эти струи одного «вешнего потока» в правильное русло – собрался съезд русских армян, избрал «Национальное бюро» и поручил ему руководить делом волонтерских отрядов и стоять на страже политических требований армян. Я вошел в бюро в качестве члена, а затем сделался его председателем и вел все сношения с военными властями и штабом Кавказской армии. Были получены средства. Началась организация добровольческих дружин. Они должны были охранять армянское население в Турции и усилить Кавказский фронт, а также служить ядром милиции в Турецкой Армении. <...> Добровольцы стекались массами – ученики, крестьяне, свободные от повинности, выходцы из Турции, приезжие из Америки, Болгарии – ручьи сливались в могучий поток. Нужны были и популярные руководители, по большей части они, как революционеры и неблагонадежные, скрывались или находились за границей. Русская власть <...> всех снабдила паспорта-

¹⁸ Правильно: вилайёт – административная единица.

¹⁹ Имеется в виду реформа управления армянскими вилайетами в Турции.

ми, и они вскоре появились в Тифлисе. Мне помнится лично случай, когда жандармский полковник в Тифлисе усиленно искал случай познакомиться с одним очень отважным революционером, – чтобы просить его принять на себя очень серьезное поручение военно-революционного характера, – но армянский деятель отклонил от себя эту «честь».

Первые вожди, с которыми я встретился немедленно по приезде в Тифлис были Андраник²⁰ и Амазасп Срванцтян, расстрелянный в 1921 г. в Эривани большевиками. Амазасп, бежавший из ссылки, приехал в Тифлис. Я его знал с 1906 года, когда вместе с ним ездил в Елизаветополь в дни армяно-татарской резни. Он защищал тогда армянское население Елизаветополя. Видел я его в Сенате, во время кризиса, – и это была третья встреча. Я подъезжал к своей квартире и заметил, что кто-то боязливо подходит ко мне, сняв шляпу. Я не узнал его. Он тогда был еще нелегальным в Тифлисе. Он шепотом назвал себя. Я его позвал к себе; он зашел ко мне в квартиру. Волнующимся голосом он начал говорить, что война с Турцией неизбежна, что он ставит себя в распоряжение высшей власти и просит дать ему хоть опасное, но нужное для армии, поручение. <...> Потом он сделался начальником особой дружины, он вошел в часть ген<ерала> Баратова, от которого я устно и письменно (смотри Красную Книгу, составленную Гр. Чалхушьяном²¹) получал блестящие отзывы о военной доблести Амазаспа. Андраник, – как только он приехал в Тифлис, – жаждал видеть военные власти. Я его лично повел к ген<ералу> Мышлаевскому, помощнику Наместника по военной части, – война с Турцией еще не начиналась, и между ними происходила, над картой, беседа, – почти двухчасовая, после которой ген<ерал> Мышлаевский, бывший начальник Генерального штаба всей России, сказал мне: «Господин Андраник превосходно понимает положение фронта, оцупал жизненные пункты и знает прекрасно условия зимней кампании». Так завязались сношения. Армяне воспылали надеждами. <...> Наместник ответил: «Я всегда думал, что армяне отлично понимают роль России в их судьбе. Века жизни это доказали. Я покровительствую армянам не как их друг, а как верный России хороший русский чиновник. Мы нужны друг другу. Я думаю, что самое лучшее, что турецкие армяне получают после нашей победы – это Конституция <...> Я так и написал Царю». Затем я посетил начальника Штаба Кавказской Армии генерала Юденича, который считал участие армянских добровольцев Кавказской армии очень ценным <...>. Один за другим вступали в дело Дро, Вартан²², <...> студенты бросали школу, университеты <...>. Воодушевление шло из чисто-народных слоев. Жертвы давали эти слои. <...>

Другое течение, в котором я занимал, как тифлисский городской голова, центральное место – был нарождавшийся «Союз кавказских городов»,

---

²⁰ Андраник Торосович Озанян – генерал, политик, идеолог и один из лидеров армянского освободительного движения конца XIX – начала XX в.

²¹ Григор Хачатурович (Григорий Христофорович) Чалхушьян – юрист и общественный деятель. «Красная книга» посвящена уничтожению армян в Турецкой Армении, была издана впервые в 1919 г.

²² Драстамат Мартиросович Канаян – армянский политический и военный деятель, член партии Дашнакцутюн; Вартан – доброволец, командир дружины.

который в течение 1915–1916–1917 гг. играл такую громадную роль в деле помощи беженцам-армянам, ... Кавказской армии и помощи больным и раненым солдатам. Также армяне внесли в дело «Союза городов» массу энергии, труда и знаний, – позволю себе несколько слов об этом союзе. Как только война началась с Германией, в России создалось совершенно новое для России движение: городские и земские деятели, по приглашению Московского городского головы, съехались в Москве, образовали союзы городов и земств и предложили правительству свои усилия для лечения и помощи больным и раненым солдатам, предложение было принято. Независимо от этого съезда по приглашению в сентябре собрались представители 44 городов Кавказа (в том числе города армянские по населению – Эривань, Карс, Александрополь, грузинский Батум, Кутаис, Поти, со смешанным населением – Тифлис, Баку, города Северного Кавказа, горцев – Грозный, Майкоп, Владикавказ и проч.) и постановили создать союз Кавказских городов, избрали меня Главноуполномоченным этого союза и председателем Главного Комитета. Власть нам немедленно выдала милл<ион> р<ублей> <...> и мы немедленно принялись за работу. Вперед скажу, что мы за 3 года создали заново лазареты на 32 000 кроватей, создали 5 санитарных караванов, которые мы посылали вглубь Турции, – и на питание солдат и беженцев потратили за эти три года 120 милл<ионов> рублей <...>. Как Главный Комитет, так и почти две трети служащих этого союза были кавказцы. В конце 1914 года «Кавказский союз» вошел в состав Всероссийского союза и стал называться Кавказским отделом Всероссийского союза городов. За все время войны я был бесценно его председателем. <...>

Все словно ждали первого раската грома. Первые его звуки узнались так мною: в один октябрьский день рано утром, около 7-ми часов утра, ко мне в кабинет вбежал Яков Завриев²³, взволнованный – и сказал, что по городу идут слухи, что турки вчера бомбардировали города, лежащие по Черному морю – Феодосию, Новороссийск, – что слухи – глухие, их надо проверить во Дворце, в Штабе. Я немедленно протелефонировал в Штаб и «весьма» конфиденциально получил известие, что слух верен, – но что объявления войны еще нет. Надо призывать население к спокойствию. Весь день мой кабинет был полон народом. Наместник непрерывно носился с Петербургом. Войскам было приказано оставаться в казармах. В 12 ч. ночи меня пригласил к себе помощник Наместника по гражданской части Петерсон и передал мне карандашом написанную записку след<ующего> содержания: «Городскому голове Хатисову. Турки открыли против нас военные действия. Я приказал нашим войскам наступать по всем направлениям. Разверните вашу медицинскую деятельность. Граф Воронцов». Я вернулся в городской Дом и созвал по телефону своих сотрудников. Всю ночь мы обсуждали мероприятия по организации лазаретов в зданиях школ, гостиницах, обсуждали вопросы снабжения населения продуктами... С утра все занялись своей работой. Наши дружины шли с войсками. <...>

---

²³ Завриев Яков (Акоп) Христофорович – активный деятель партии Дашнакцутюн, участвовал в армянском добровольческом движении, заместитель назначенного правительством России комиссара районов Вана, Хнуса, Эрзрума, Трапезунда.

Через несколько дней Наместник вновь пригласил меня и сказал, что Государь Николай II едет в Тифлис и на Кавказский фронт. «Вот, сказал граф Воронцов, – отменный случай показать Русской центральной власти, что Кавказ не отстает от своих российских сограждан в деле организации тыла и помощи фронту и показать истинные чувства Кавказского населения. Я просил своих помощников генерала Мышлаевского и гофмейстера Петерсона обсудить с Вами и предводителем дворянства вопросы, связанные с пребыванием Царя в Тифлисе». Вечером состоялось это совещание. Меня спросили могу ли я, как городской голова, сидящий близко к народу и знающий настроения революционных партий, сказать не опасно ли допускать к Государю близко народные массы и могу ли я в общем принять на себя ответственность за то, что организованные партии не устроят покушения на Царя? Чтобы характеризовать настроения, я должен сказать, что без особых колебаний, я заявил, что насколько я понимаю общественное настроение, – нет никаких оснований бояться покушения и лучше, если Царь будет среди народа. Так и сделали. В течение четырех дней, во время поездок по городу, – по самым окраинам, при осмотре больниц, – все было вполне благополучно. <...> Война создала особую психологию, и борьба с режимом не стояла на очереди ни у кого. Я сопровождал царя при его посещениях городских учреждений и давал разъяснения. Особенно врезалась мне в память картина того, как представил Царю армянского героя, революционного деятеля, начальника дружины Дро. За неделю до приезда Царя в Тифлис Дро был ранен около Баязета пулей в грудь. Его мы положили в первой комнате городской больницы имени Арамянца. Когда Царь осматривал больницу... я предупредил его, что в особой комнате лежит тяжело раненный дружинник Дро, и спросил желает ли Царь его видеть? Царь выразил согласие. Мы вошли втроем: Царь и начальник штаба ген. Юденич. Генерал дал блестящую характеристику Дро, как военного таланта. Царь наклонился к Дро и спросил: Где Вы получили военное воспитание? Дро ответил: В революционной работе, Ваше Величество! Царь смутился. Но Дро видно заметил, что Царь в смущении, добавил: «Наша работа касалась Турции». Царь успокоился и прикрепил к рубашке Дро георгиевский крест.

<...> В декабре под предводительством Энвера-паши три турецких корпуса перешли границу, захватили Ардаган, сделали обход и в Саракамыше собрались захватить в плен целую русскую армию. Грозила страшная катастрофа. <...> Графа Воронцова, однако, его чиновники использовали. Они дали ему подписать приказ об эвакуации Тифлиса и, по русским законам, выдали всем жалованье за 2 мес<яца> для выезда из Тифлиса: это было выполнено в течение двух часов, что дало казне убыток в милл<ион> рублей золотом. Потом никто не выехал и денег никто не вернул: так в России тогда смотрели на казенные деньги. Наместника пугали и советовали выехать. Он ночью послал своего сына в разведку. Тот выехал, приехал, успокоил отца, и граф не двинулся с места. После разгрома турок началась эпидемия сыпного тифа, которую турки принесли с собой. Турок и курдов сажали в вагоны, накладывали печати на вагоны и привозили в Тифлис, – и при мне открывали вагоны, и я лично видел, как из вагонов, где было набито 50 пленных, вынимали по 10–12 трупов. Весть об этом распространилась среди мусульман Тифлиса, они стали волноваться, – и чтобы их успокоить,

вагоны провозились мимо Тифлиса по направлению в Сибирь. Вообще по отношению к мусульманам в тот период принимались в Карской области суровые меры, так как выяснилось, что к приходу турок мусульмане радостно готовились. Татары таили в себе злобу против армян, коих считали заодно с русскими. Жена графа Воронцова, демонстративно принимала еп-<ископа> Месропа, и была холодна с князем Абхазы, на что он мне неоднократно, как коллеге, жаловался, а представителю татар г. Ассадулаеву, раз при мне не подала руки. То, что случилось в 1915 году, в 1917–1918 г. дало свои ростки и плоды в виде армяно-татарских войн и столкновений. <...>

Из писем царицы Александры Федоровны <...> видно, как подготовилось лишение Великого Князя Николая Николаевича звания Верховного Главнокомандующего, увольнение Воронцова от должности Наместника и принятие Царем на себя должности Верховного Вождя Армии. Царь боялся влияния Николая Николаевича, его натравил Распутин против Николая и вот Царь решил удалить Николая. Но куда? И как? И вот решили сделать его Наместником Кавказа. Надо было удалить гр. Воронцова. И вот как это случилось: в сентябре 1915-го года помощник Наместника г. Петерсон сообщил мне, что граф желает меня видеть. Он был болен, жил на даче в Боржоме. Я поехал туда. Вижу графа, одного, в комнате перед кучей исписанной бумаги. Здоровье его было слабо. Он был болен, кашлял. Графиня мне сказала, что он писал целую ночь. Граф поздоровался со мной и сказал: «Десять лет я знаю Вас. Десять лет Вы откровенно высказывали мне желания народа, и делал то что мог. Я ухожу с поста Наместника. Я любил Кавказ и доверял населению. Я хочу, чтобы через Вас узнали впоследствии, как это и почему случилось. Я Вам прочту письмо от Царя, которое мне привез генерал Нахичеванский!». Наместник прочел письмо, в котором Царь ему писал, что «высший интерес России требует, чтобы он взял на себя высшее командование армией. Но надо сделать так, чтобы вышло ловко и необходимо. Это сможет сделать лишь один Воронцов. Вы, писал Царь, служили моему деду, моему отцу. Послужите России и мне. Освободите место Наместника, я это место дам Николаю Николаевичу». Граф прочел мне письмо и сказал: «Я ответил Царю. Я Вам прочту ответ». Ответ был глубоко продуманный и сильный. Граф Воронцов писал Царю, что он исполняет желание Царя, но <...> что Царя ведут к гибели его, его династии и России. Воронцов писал, что России нужна свобода, что народ вырос из-под опеки, и что не Распутин и администрация поможет Царю, а общество и народ. Царя Воронцов умолял дать доверие народу и истинную Конституцию. Воронцов прочел письмо и сказал: «Когда настанет момент, Вы можете опубликовать все, что Вы сегодня слышали. Я уйду, но скажу Николаю Николаевичу, чтобы он Вам безусловно верил». <...> Граф Воронцов уехал. Грузины демонстративно его игнорировали. Татары проводили холодно. Графа сменил новый Наместник Николай Николаевич. Сменился помощник по военной части – появился ген-ерал> Янушевич <...>

...это было лето 1916-го года, – остро стоял вопрос об армянах-беженцах. Постоянные отступления и наступления русских войск заставляли некоторых жителей Вана, Алашкерта десятками тысяч уходить из Турции и вновь идти туда. Стояла летняя жара. Я поехал в Эривань. Начался

тиф. Умирало сотнями. Некому было хоронить. Я приехал в Эчмиадзин. Я не забуду в жизни того, что я там видел. В роще, около монастыря, около пруда было сосредоточено до 15000 беженцев: все почти больные, голые, – они валялись в своих испражнениях. Умирало, стонали. Среди врачей был будущий премьер Армении Амо Оганджян... За полтора месяца умерло 8000 человек от дизентерии и холеры. А рядом спокойный величавый Ара-рат словно думал свою думу. Так волна за волной приливались беженцы из Турции. Каждое отступление влекло за собой десятки тысяч народа. К Русской границе, – еще не было термина – в Русской Армении – шли и шли. Мы уже знали об ужасах резни. В Европе шла ожесточенная война. На Кавказе набралось до 350000 беженцев – армян из Турции. <...>

Меня пригласили на совещание к генералу Янушевичу, где присутствовало 8 генералов и они докладывали, что армяне-солдаты дезертируют, что они симулируют, что они нарочно простреливают себе ладонь. Были случаи смертной казни за дезертирство. Настроение росло против дружин. Их подчинили общему командованию <...> Новых формирований не разрешили. Взяли у них ружья новых образцов и стали давать старые берданки. <...> Появились идеи о «фратском казачестве», т.е. о переселении 6000 казачьих семей с Северного Кавказа в Армению. Армяне возмущались. Ведь все жертвы, потоки крови, все ужасы делались во имя Армении – Турецкой Армении, – а ее не только не дают коренному населению, хотят предать казакам. Вспомним об «Армении без армян» князя Лобанова Ростовского. <...> В данной обстановке вновь в Москве был созван съезд городских деятелей. Это было начало декабря 1916 года. Я поехал на съезд. Съезды шли за съездами. <...> Но как только Председатель начал речь, вышла полиция и солдаты; съезд закрыли и разогнали. Это было 3 часа дня.

Меня попросили в 11 часов вечера приехать на квартиру князя Львова, председателя всероссийского союза земств. Меня пригласили, как представителя городов Кавказа. Я приехал. У князя Львова собрались: московский городской голова и председатель всероссийского союза городов Михаил Челноков; бывший министр торговли Федоров, помощник Челнокова – Кишкин и будущий московский городской голова Астров. Обсуждали положение дел. Совещание длилось почти всю ночь. Князь Львов сообщил, что на фронте – ужас. Армия погибает, что она накануне краха, голода и без снарядов. Многие части требуют увольнения Царя. Присылают гонцов. Были названы части. При Дворе – недовольство. 16 великих князей требуют увольнения Распутина. Они подали Царю записку. В Думе требуют увольнения министров. Все чувствуют необходимость смены формы правления, корня всех зол, «ответственное правительство» – вот спасение. К утру и за день все члены съезда дали свое согласие на назначение князя Львова председателем Совета Министров, если будет создано ответственное Министерство. Потом организовать дворцовый переворот. Мне было поручено узнать личное отношение Великого Князя Николая Николаевича к этому перевороту и согласен ли он принять Корону Царя, – если совершится переворот. Еще не настало время для полного рассказа об этих разговорах [подчеркнуто красным], но скажу лишь, что Великий Князь воздержался от дачи согласия действовать активно. <...>

27-го февраля я сидел в своем кабинете, в Тифлиском городском управлении. Вдруг телефонный звонок. Беру трубку и слышу: «Говорит Великий князь. Прошу Вас немедленно приехать во Дворец». Еду. Меня немедленно проводят к Великому Князю. Он запер дверь и сказал: «В Петербурге революция. Мне сообщили сейчас по прямому проводу. Я всегда стоял за необходимость перемен. Прошу Вас иметь это ввиду. Прошу Вас объехать Кавказ». Скажу коротко, что Революция снесла монархию и надежды, что либеральный Великий Князь сможет создать конституционную монархию, не оправдались. Великий Князь просил меня привезти к нему представителей Революционных партий для беседы. Я привез четырех главных революционных деятелей. Произошел разговор, из которого было ясно, что Великий Князь хочет влить течения в законные рамки. Удивительное дело! Ровно 12 лет назад, когда в 1905-м году, в дни первой Революции, власть зашаталась, – по просьбе Наместника гр<афа> Воронцова я привез к нему двух видных деятелей Революции. Одного г. Р. – грузина-меньшевика, другого – дашнакцакана г. С., и Наместник выдал им 500 ружей для защиты населения города от зверств татар, при этом просил, чтобы революционные партии охраняли его дворец. Видно история повторяется. После падения монархии и отъезда Великого Князя создалась временная власть на Кавказе – триумvirат: Жордания – Хатисян – Попов. <...> Жордания-меньшевик²⁴ – от демократии, Хатисян – от городского населения, Попов – офицер от армии. Мы приняли власть, упавшую в руки Наместника. Но судьба моя могла случиться иначе: за две недели до революции помощник Наместника пригласил меня и сказал, что Царь видимо узнал о заседании у кн<язя> Львова и до слуха Велик<ого> Князя дошло, что его предполагают перевести Наместником на Дальний Восток, во Владивосток, а меня городского голову, выслать из Кавказа. Пока шли приготовления к этим распоряжениям – вспыхнула Революция. До революции приезжал на Кавказ, – за два-три месяца Гучков – будущий военный министр, Керенский – будущий диктатор России, – все они в беседах со мной упорствовали на величайшей важности Кавказа, как базы снабжения России топливом и здоровым духом сопротивления врагу. Так закатилась Монархия. <...>

Глава III. Временное правительство и Армения (март–ноябрь 1917)

Весной 1917 года приехали в Тифлис назначенные от Временного Правительства члены «Особого Закавказского комитета» или как его называют «Озаком». Он бы встречен восторженно. Председателем был кадет, член Думы В.А. Харламов. Членами были армянин М.И. Пападжанян²⁵, грузин – А.И. Чхенкели²⁶ и татарин – Джафаров²⁷. Уже в этом составе

---

²⁴ Ной Николаевич Жордания – председатель Правительства Грузинской Демократической Республики (1918–1921).

²⁵ Михаил Иванович Пападжанов (Микаэл Ованесович Пападжанян) – член партии «Дашнакцутюн», кадет, депутат четвертой Государственной Думы.

²⁶ Акакий Иванович Чхенкели – юрист, меньшевик, депутат четвертой Государственной Думы, председатель правительства Закавказской Федеративной Демократической Республики; с 26 мая (8 июня) 1918 года и до ноября 1918 года – министр иностранных дел Грузинской Демократической Республики.

впервые проявился национальный признак: это распределение уже словно предугадало существование на Кавказе различных национальных интересов. Власть сама дала канву для вышивания национальных узоров. <...>

После мартовской революции картина стала изменяться в смысле ином: и в области «союза городов» стали проявляться национальные стремления. До марта 1917 была правительственная, чисто русско-националистическая агитация, но внутри союза было все прочно и тихо: шла работа в одном направлении. Но и здесь появился национальный, даже больше того! – националистический дух; таким образом зародились тенденции в районах Батума усилить грузинский элемент служащих, в районах Баку – татарский. За некоторые районы начался спор, – это именно в направлении Карса – Ардагана – Ольты: спорили армяне, грузины и татары за влияние. <...> Начался внутренний глубокий разлад при внешнем сдержанном благополучии, особенно в отношении администрации: Вана, Эрзерума и Муша. Татары стали добиваться своего участия: Султанов, Векилов, Хан Хойский²⁸ стали произносить вызывающие речи во дворце и мало-помалу Дворец стал очагом интриг. Хотя после революции усиленно очищали ряды оставшихся чиновников и военных от вредных интриганов и революционеров, но многие остались на месте и разжигали рознь, думая этим ослабить революционные ряды, силу демократии и единство кавказских народов. Роль этой части русской администрации всегда была сильно и глубоко отрицательна на Кавказе. Часто они даже играли двуличную роль. То заигрывали с нами, то с грузинами, то с татарами. <...> Эти народы получили свободу без всякого предварительного взаимного разговора, возбужденные властями. Не договорились между собой, и часто с противоположными интересами и всегда противоположными идеями о способах достижения своих идеалов, – одни мечтали о помощи немцев, другие – турок, третьи – allies [Антанта], четвертые – России всякого режима. В этом хаосе мыслей, настроений, симпатий надо искать главную причину всех постигших Кавказ несчастий за последние годы. <...> Вот с такой психологией масс начал летом работать Кавказский Особый Комитет. Он не смог спаять Кавказских народов. Армяне шли в кабинет Пападжаняна, грузины – Чхенкели, татары – к Джафарову и главному председателю Харламову все были чужды. Я помню, как Харламов говорил мне: «Что мне делать? Я не могу ни по одному вопросу согласовать мой Комитет. Все тянут в разные стороны. За каждым стоит особый народ с особыми требованиями». <...>

В городском самоуправлении Кавказа шла работа по подготовке выборов в Городские Думы: впервые применен принцип всеобщего тайного и прямого голосования. Но все это было лишь по виду. Народ разделился на

---

²⁷ Мамед-Юсиф Гаджибаба оглы Джафаров – депутат четвёртой Государственной Думы, член партии «Мусават» один из основателей Азербайджанской Демократической Республики.

²⁸ Фатали Хан Искендер оглы Хойский – российский юрист и азербайджанский политический деятель, депутат Государственной думы; комиссар народного просвещения при Закавказском комиссариате, министр юстиции Закавказской Демократической Федеративной Республики, член правительства Азербайджанской Демократической Республики.

сторонников партий, от партий или хотя бы под партийными знамёнами, но партии были одновременно национальными: меньшевики – грузинами, дашнакцаканы – армяне, мусаватисты²⁹ – татары. Выборами в Тифлисе руководил я. Большинство получили меньшевики-грузины, русские и армяне. Это большинство выдвинуло на должность городского головы Элиаву. Я оставил должность Тифлиского Городского Головы. Но почти немедленно я был избран в августе 1917 года Городским головой гор<ода> Александрополя. Эти выборы были многозначительны для армян. Тифлисский городской голова переезжает в Александрополь – город с 40000 населения после Тифлиса с его 400000 населения. <...> И действительно спустя шесть месяцев Александропольский городской голова сделался министром иностранных дел независимой Армянской Республики.

Я переехал в Александрополь в начале сентября 1917 года после семнадцатилетней работы в Тифлисе, – мне к этому времени было 43 года, – я уже имел конечно массу прочных связей с грузинами, с Грузией, что в дальнейшем мне очень облегчило иметь с ними дело, как с представителями соседнего государства. В Тифлисе я сохранил квартиру и часто ездил в Тифлис. <...> В Армении в Александрополе впервые наметились партии, которым суждено было сыграть крупную роль в истории Армении. Одновременно в сентябре в Тифлисе собрали Всероссийский съезд армян. На нем обсуждали положение, избрали Национальный Совет под председательством Аветиса Агароняна будущего председателя делегации Респ<ублики> Армении в Париже. Съезд выразил доверие правительству Керенского. Одновременно я был избран в гласные Тифлисской Городской Думы и сохранил место в Союзе городов. Но уже с осени 1917 года национальный момент сильно прорвался. В Эривани городским головой был Хачатурян, будущий член армянского Парламента. Я считаю, что именно в осень 1917 года, хотя не было произнесено слов об Армении, о республике, – но уже в воздухе начали носиться новые понятия и новые идеи, – заговорили впервые о реальной возможности иметь национальную территорию. <...>

Я в это время получил телеграмму выехать в Могилев, в Ставку Верховного Главнокомандующего Российской Армии, чтобы иметь совещание по поводу «Союза городов» на Кавказе, а также на съезд в Москву и в Петербург. Я выехал из Александрополя в начале октября и приехал в Москву. Съезд «Союза городов» носил новый характер. Вместо старых деятелей, которых я знал в 1916 году, я увидел новых лиц, – избранных всеобщим голосованием. Царила партия социалистов-революционеров. Их было большинство. Попадались отдельные большевики, во главе с ними известный большевик – городской голова г. Царицына Минин. Они были очень заносчивы, над ними смеялись. Вообще с осени 1917-го года можно было видеть большевиков повсюду. Они энергично стояли у дела своей пропаганды и верили своему делу. Я помню, что когда я выехал из Тифлиса во Владикавказ на автомобиле, со мной ехал Орахилашвили³⁰, большевик,

---

²⁹ Мусават – азербайджанская националистическая партия, создана в 1911 г. под названием «Мусульманская демократическая партия Мусават».

³⁰ Иван (Мамия, Маmia) Дмитриевич Орахелашвили – грузинский большевик и советский партийный деятель.

сегодняшний председатель Грузинского правительства. Он верил, что месяцы отделяют большевиков от власти. <...> Но больше всех я помню Степана Шаумяна, известного большевика и отличного человека. Он верил своим идеалам, он жил для них. Еще в 1905 году он, я и Ерзикаян³¹, нынешний Министр землевладения в Армении и Спандарян³², умерший после ссылки – неоднократно бывали в составе третейских судов, и я помню, что у Шаумяна справедливость была единственным мерилom оценки фактам. Шаумян был убит в 1918 году. Я вспоминаю еще ряд лиц из того лагеря, – они были уже фанатики, – вроде Атабекова³³, служившего в Союзе городов в Эчмиадзине, впоследствии знаменитого участием в организации массового террора в Астрахани, Кисловодске и ныне Министра почт и телеграфов в Закавказской федерации. Были и мелкого ранга большевики, – но они отличались фанатизмом. Я помню, как Филипп Махарадзе, – потом Председатель Грузинского правительства, состоял секретарем исполнительного комитета весной 1917 года, где я был председателем и для всех проступков самого мелкого характера, у него было одно наказание – повесить. Пока они не были у власти, – они твердо и неуклонно стояли на своих позициях: средства оправдывали цель, – таков был их лозунг. <...>

Я видел несколько раз в жизни Керенского: я видел его в Сенате на суде, когда он защищал дашнакцаканов, видел у себя дома, когда он приехал на Кавказ, видел в разных ролях, видел и всегда считал, что не этот темперамент ведет государство. Но Россия той эпохи любила речи. В Советах же рабочих депутатов выносили резолюции. Речи и резолюции вот что чувствовалось в воздухе: воздух был ими наполнен. Народ же хотел мира, хлеба и земли. Нарастал конфликт между властью и народом. Большевики били метко и прямо в цель. Власть с ними не боролась. Керенский думал их победить патриотическими речами: он избегал крутых мер.

Я поехал из Москвы в Ставку Верховного Главнокомандования. Генерал Духонин пригласил нас на совещание. Но мне в Ставке все показалось странным: уже не было у военных дисциплины. Генерал – командир всей армии России – говорил неуверенно и глухо. Через три дня ждали приезда в Ставку Керенского. Но он не приехал. Мы выработали дальнейший план работы Союза городов. <...> Через день я уехал в Петербург.

Странное дело! Я приехал в Петербург 22 октября. На улицах все было нормально. Огромный город жил обыкновенной жизнью. Я повидал своего друга, члена Русского парламента Аджемова³⁴, Якова Завриева – славного нашего жертвенного товарища. Министерства занимались очередными делами. 23-е и 24-е октября я провел в хождениях по Министер-

---

³¹ Арамаис Артемьевич Ерзинкян – член РСДРП, в 1917–1918 гг. – член Закавказского правительства (министр труда) и сейма. В 1921 г. вошел в состав первого правительства Советской Армении в качестве народного комиссара земледелия.

³² Сурен Спандарович Спандарян – революционер, член РСДРП (большевик).

³³ Георгий Александрович Атарбеков – участник установления советской власти на Северном Кавказе, один из руководителей органов госбезопасности.

³⁴ Моисей Сергеевич Аджемов – кадет, депутат Государственной Думы, после февраля 1917 года комиссар Временного правительства в Министерстве юстиции, после октября 1917 года эмигрировал во Францию.

ствам по делам города Александрополя и даже взял билет по железной дороге на 27 октября утром, в 10 часов дня я проходил по главной улице столицы, по Невскому проспекту, и меня удивили какие-то странные люди: в штатском платье, но с ружьями. И их словно никто не останавливал. <...> В 12 ч. дня я дошел до здания где заседал т. наз. Государственный Предпарламент, учреждение, заменявшее собой Парламент и Учредительное собрание, к которому Россия готовилась. Я зашел в Предпарламент и стал слушать речи. <...> Слышу слова Керенского: «Огнем и мечом я подавлю мятежников. Свободная Россия не потерпит насилия и свержения законной власти». Раздавались рукоплескания. Речи представителей фракций обещали правительству поддержку. После речей объявили перерыв. <...> Заседание возобновилось, но не прошло нескольких минут, как в залу вошло несколько матросов с ружьями и предложили всем разойтись. Послышались возгласы и протесты, – но в общем все разошлись. <...>

Я вновь пришел к Аджемову, ему рассказал о виденном. У него сидел его племянник Ляля Аджемов, юноша 17-ти лет, ярый большевик, который в 1921 году был убит в Эривани во время восстания против большевиков, и он нам сказал, что сегодня большевики возьмут власть и вновь побежал в здание Смольного института, где заседал Совет большевиков во главе с Лениным и Троцким. <...> Вдруг раздался телефонный звонок, оказывается генерал Багратуни, занимавший в то время пост командующего войсками Петербургского округа, находился в здании Зимнего дворца. Видел, что ко Дворцу подъезжают автомобили, чувствовал свою ответственность, – и захотел посоветоваться со мной и Яковом Завриевым, – и просил нас немедленно прийти во Дворец. Я и Завриев пришли к нему. В кабинете я застал и генерала Багратуни, и его начальника штаба. Из окон я вижу, что войска начинают окружать дворец. Генерал объяснил нам, что все 40000 войск Петербурга или на стороне большевиков или держат нейтралитет. На стороне правительства всего юнкера и женский батальон в 800 чел. Что ему делать? Керенский уехал за свежими войсками на фронт. Мы, посоветовавшись, решили сказать генералу, что положение защиты Дворца безнадежно и что мы, свидетели положения, видим, что командующий бессилен. Мы вышли из Дворца, уже окружение было полное. Меня и Завриева пропустили. Генерала Багратуни арестовали, а генер<ала> кн<язя> Туманова³⁵ – помощника военного Министра солдаты схватили, он стал защищаться, – его убили и бросили труп в канал Мойку. Я вернулся домой. Проходя мимо реки, я видел как с крейсера «Аврора» стреляли во Дворец, – шла атака Дворца, в котором заседали Министры. <...>

Свершилась большевистская революция – завершение мартовской революции. Была установлена власть коммунистов. На другой день город имел немного пустынный вид. Через день я уехал с поездом на Кавказ. Но уже в Москве на вокзале я слышал оружейные выстрелы. Там шла уличная война. Было много пожаров. Уезжая из Петербурга, я лично видел, как власть переходила из рук в руки. Она просто выпала из рук Керенского, как выпала в марте от царя к кн<язю> Львову. Революция видимо находи-

³⁵ Князь Георгий Николаевич Туманов (Туманишвили).

ла лозунги наиболее приятные и доступные массам. Старую власть никто не брался защищать кровью и жизнью.

В последний день октября, я приехал в Тифлис. Приехал и Завриев. В Тифлисе власть не переходила к большевикам и с их стороны серьезных попыток не было к её захвату. <...>

В Тифлисе я застал следующее положение: большевистская революция не затронула Кавказа. Она остановилась за хребтом, где начиналась впоследствии гражданская война Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля. На Кавказе же остались власти Особого Кавказского Комитета во главе с Харламовым. Но их положение, – учреждения назначенного от павшего Временного Правительства, уже поколебалось. Власть требовала нового источника. И вот этим источником явились на этот раз национальные учреждения, – при общей угрозе на время смолкли национальные течения и разделения, – и Советы рабочих и солдатских депутатов, и политические партии. Они создали новые учреждения – Закавказский Комиссариат, созданный по принципу партийного представительства, но однако в него вошли поровну армяне, грузины, татары и отчасти получилось представительство партийно-национальное. Закавказский комитет власть уступил и ушел, – но во имя единой России. Кавказ заявил себя частью России, – но не признающей власти Российской, а именно большевиков. Началась новая эра в жизни фактически, но не юридически независимого Кавказа. А на фронте Кавказской армии начался полный развал, – войска бросали позиции и уходили домой, в Россию. Фронт был обнажен.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5881. Оп.1. Д.524 [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R5881. Op.1. D.524]

Архив русской революции. Репринт. Т. 1–22. М: Terra, 1991–1993. [Arhiv ruskoj revoljucii. Reprint. T. 1–22. M: Terra, 1991–1993]

Амбарцумян Каринэ Размиковна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета; karina-best21@mail.ru

A.I. Khatisov. “The Russian Revolution and the creation of the Republic of Armenia in the Caucasus region, 1917–1918”

A publication of a fragment from the memoirs by Alexandr Ivanovich Khatisov (1874–1945), a member of the government of the independent Armenian Republic, who lived in exile in France from 1920. He prepared the manuscript in 1924 for the “Archive of the Russian Revolution” published by I.V. Gesen in Berlin, but it was not included into this collection.

Keywords: Great war, Russian Revolution, the Caucasus in 1917, history of Armenia, A.I. Khatisov, historical events and personal experience, memoirs

Karine Ambartsumyan, PhD in History, Associate Professor of Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University; karina-best21@mail.ru